

Н.Е. Бондаренко

**ИННОВАЦИОННЫЕ КЛАСТЕРЫ КАК ФОРМА
ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ
СУБЪЕКТОВ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ**

Аннотация: в статье описаны три категории сетевых моделей кластерных структур, свойственных для индустриальной и постиндустриальной экономики, даны их характеристики, выделены принципиальные различия между ними, что позволяет более четко и обоснованно проводить кластерную политику, направленную на развитие конкурентных рынков, выбирать эффективные меры по повышению конкурентоспособности компаний, а также эффективно взаимодействовать органам государственной власти, бизнесу и научно-образовательным учреждениям с целью координации усилий по повышению инновационности производства.

Ключевые слова: кластеры, модель тройной спирали, инновации, кластерная политика, конкурентоспособность экономики.

N.E. Bondarenko

**INNOVATIVE CLUSTERS AS A FORM
OF INTEGRATION ASSOCIATIONS OF ECONOMIC ENTITIES
IN THE POSTINDUSTRIAL ECONOMY**

Abstract: the article describes three categories of network models of cluster structures inherent to the industrial and post-industrial economy, given their characteristics, highlighted fundamental differences between them, which allows more accurate and reasonable to carry out cluster policy aimed at the development of competitive markets to choose effective measures to increase the competitiveness of companies, and to communicate effectively to public authorities, business and academia in order to coordinate efforts to improve innovative production.

Keywords: *clusters, the triple helix model, innovation cluster policy, the competitiveness of the economy.*

Структурные и технологические сдвиги в современной мировой экономике, усиление процессов глобализации и международной конкуренции создали предпосылки для отхода от традиционной промышленной политики и постепенного перехода от отраслевого принципа организации экономики к новой сетевой системе организации производства. Динамичное развитие высоких технологий, инноваций, основанных на тесной взаимосвязи реальной практической деятельности и системы образования, создают предпосылки для формирования кластеров – сетевых структурных образований рыночного происхождения.

Определяющее значение для формирования зрелого кластера и его инновационных эффектов имеет тесное взаимодействие и сотрудничество представителей трех институциональных секторов – науки, бизнеса и властей. В ходе такого сотрудничества они вовлекаются в процесс коэволюции, сближают функциональные сферы, обеспечивая кластеру возможность динамичного саморазвития. Такой механизм сложился в Кремниевой долине и был описан как *«модель тройной спирали»* (концепция *«Triple Helix model»* Ицковица-Лейдесдорфа) [14; 15], которая основана на том, что области функционального пересечения трех секторов становятся новым механизмом достижения консенсуса и универсальной институциональной матрицей для инновационного роста.

Категория бизнеса включает крупные, средние и малые предприятия. Власть – местные, региональные и государственные органы управления. Научные организации состоят из университетов, исследовательских институтов, центров коммерциализации исследований и разработок.

Авторами модели выделены следующие ее преимущества. *Во-первых*, «тройная спираль» резко снижает уровень неопределенности и издержки экономических агентов, обеспечивая различные виды внешней экономии. *Во-вторых*,

участники спирали могут соединять активы и компетенции в самых разных комбинациях, что позволяет создавать новые блага и ценности, неограниченно расширяя их разнообразие. *В-третьих*, процесс коэволюции трех секторов создает в масштабах кластера коллективную модель производства инноваций, которая организована в соответствии с принципами пересечения трех множеств отношений и каждый из институтов обеспечивает систему производства знаний за счет создания гибридных институциональных форм [11].

В 2000-е гг. концепция «тройной спирали» стала основой инновационных и кластерных программ во многих развитых странах [8]. Сегодня она признана классической моделью коллаборации (коллаборация – процесс совместной деятельности, например, в интеллектуальной сфере, двух и более человек или организаций для достижения общих целей, при котором происходит обмен знаниями, обучение и достижение согласия), используемой странами ОЭСР, ЕС, а также необходимой развивающимся и переходным странам для постепенного перехода к инновационному типу развития.

В современной экономике кластеры определяются как группы связанных предприятий, без акцентирования внимания на сетевых моделях. Поэтому, страны, имеющие планы создания инновационных кластеров, далеко не всегда сосредоточены на развитии именно тех видов агломераций, которые имеют организационные признаки инновационных. В целом ряде случаев состав программных мероприятий не позволяет судить о том, как тесно они связаны со стимулированием в кластерах реальных механизмов коллаборации. В связи с этим, определение кластеров в национальных программах и реальные модели кластерных структур, возникающие в процессе их реализации, часто различаются.

На основании анализа мировой кластерной политики, учеными – экономистами выделяются три категории сетевых моделей (рисунок 1).

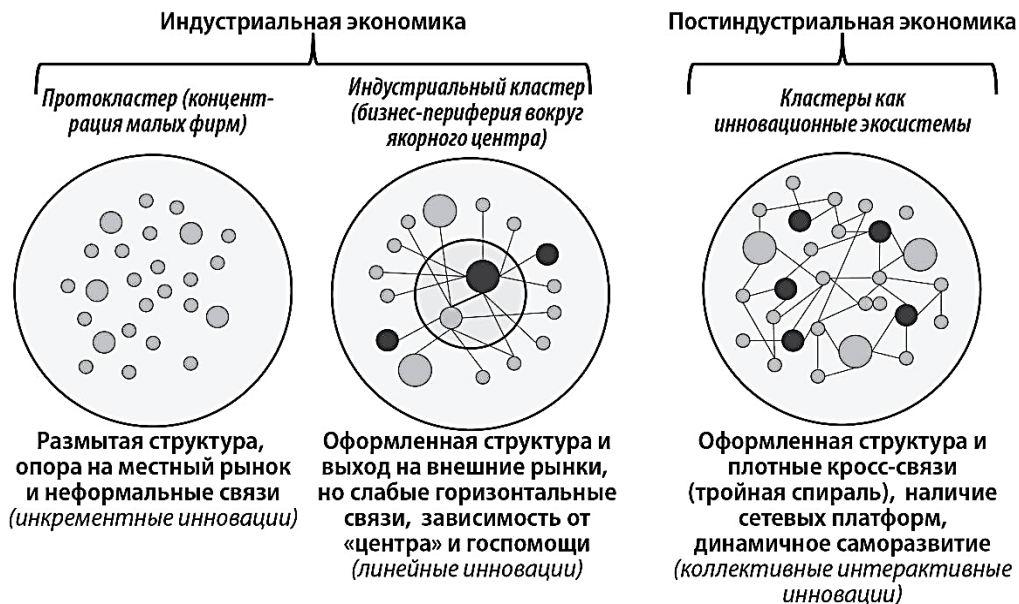

Рис. 1. Типовые организационные модели кластерных структур [8]

Во-первых, это *протокластеры* типа итальянских промышленных округов, где высокая концентрация малых фирм составляет конкурентную альтернативу крупным корпорациям, в т. ч. на экспортных рынках [8]. Они возникли в индустриальную эпоху, слабо структурированы и рассчитаны лишь на улучшающие инновации – результат опоры только на неформальные связи и редкие местные ресурсы.

Во-вторых, это *индустриальные кластеры*, сформированные в виде концентрических кругов (сетевая периферия) вокруг «якорного центра», в роли которого может выступать крупная корпорация, университет или научная лаборатория (японская Долина Саппоро, многие кластеры Южной Кореи, Германии, Франции). Они активно взаимодействуют с глобальным рынком и имеют высокоформализованные внутренние связи, но лишены механизмов коллаборации, генерируя инновации в линейном формате. Каждая фирма «вертикально» завязана на якорный центр, причем для стимулирования сотрудничества с малым бизнесом этому центру помогает государство (деньгами или льготами). Такие сети могут расти вширь, порождая многочисленные стартапы. Но в силу невысокой плотности горизонтальных кросс-контактов они не достигают эффекта устойчивого саморазвития, оставаясь в зависимости от помощи государства.

В-третьих, это *инновационные кластеры* постиндустриальной эпохи – экономические системы устойчивых кросс-связей, сформированные в виде тройных спиралей (кластеры Скандинавии, Швейцарии, США). Они вписаны в глобальные цепочки, имеют координирующие сетевые узлы, строят взаимодействия на отношенческом контракте и коллективно генерируют инновации. Такая модель достигает динамичного саморазвития, успешно выполняя функциональную задачу кластера – стать полюсом роста для региона дислокации. Так, в странах Скандинавии инновационными считаются только те агломерации, где сложилась «тройная спираль» [8].

К началу XXI в. более 100 ведущих экономик мира располагали тем или иным вариантом кластерной политики. В России в 2012 г. был сформирован «Перечень пилотных программ развития инновационных территориальных кластеров», куда вошли 25 кластерных проектов «с высоким научно-техническим потенциалом». Большинство из них реализуется в «инновационных анклавах», уже имеющих особые преференции, – на территории наукоградов, ЗАТО, и технико-внедренческих зон [5]. Правительство намерено поддерживать кластеры субсидиями, средствами госпрограмм, дополнительными льготами.

Необходимость эффективной кластерной политики в России объясняется ее направленностью на решение важных экономических проблем.

Во-первых, при проведении кластерной политики во главу угла ставится развитие конкурентного рынка, а экономика России в настоящее время отличается высокой монополизацией региональных и локальных рынков, что снижает общую конкурентоспособность [10]. При этом государственные инициативы в кластерной политике ориентированы на поддержку сильных компаний и создание плодотворной среды, в которой, в свою очередь, более слабые фирмы могли бы повышать свою конкурентоспособность.

Во-вторых, кластерная политика уделяет ключевое внимание анализу местных рынков и компаний на базе не наследуемых, а, прежде всего, создаваемых

факторов производства. Такой подход в кластерной политике позволяет учитывать местные особенности развития и вырабатывать эффективные адресные программы по повышению конкурентоспособности компаний.

В-третьих, проведение кластерной политики базируется на организации взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления, бизнесом и научно-образовательными учреждениями для координации усилий по повышению инновационности производства.

В-четвертых, реализация кластерной политики направлена на стимулирование развития и повышение инновационного потенциала в первую очередь малого и среднего бизнеса, который в российской экономике развит недостаточно по сравнению с развитыми странами [1].

Таким образом, кластерная политика является тем комплексом мероприятий, который может способствовать решению таких задач как: повышение конкурентоспособности российской экономики через развитие конкурентных рынков; повышение инновационной активности различных отраслей экономики; ускоренное развитие малого и среднего бизнеса и активизацию взаимодействия между государством, бизнесом и научным сообществом. Однако необходимо подчеркнуть, что кластерная политика должна реализовываться только с учетом специфики пространственной структуры экономики России, и только во взаимосвязи с другими подходами, разработанными и успешно применяемыми в плановой экономике. Кроме того, она представляет только один из подходов к повышению конкурентоспособности экономики и наибольший положительный эффект от ее реализации может быть достигнут при ее согласованном применении с комплексом других мероприятий [1; 3].

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-06-02171 А «Влияние форм интеграции бизнеса на инновационное развитие».

Список литературы

1. Бондаренко Н.Е. Инновационные кластеры: теоретические основы и формы организации / Н.Е. Бондаренко // Вестник российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2015. – №5 (83). – С. 29–41.

2. Журавлева Г.П. Векторы смены экономического курса: Монография / Г.П. Журавлева [и др.]. – М.; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. – Вып. 10. – 512 с.

3. Дементьев В.Е. Условия координации экономической деятельности как фактор формирования организационных структур / В.Е. Дементьев / Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2015. – №2 (80).

4. Дубовик М.В. Институциональные сетевые эффекты института саморегулирования / М.В. Дубовик // Государство и рынок: механизмы взаимодействия в условиях глобальной нестабильности экономических систем / Под ред. д-ра экон. наук, проф. С.А. Дятлова, д-ра экон. наук, проф. Д.Ю. Миропольского. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. – 706 с.

5. Дубовик М.В. От креативных кластеров к креативной экономике / М.В. Дубовик // Вестник экономической интеграции. – 2011. – №8. – С. 14–22.

6. Институциональная экономика: Учебник / Под ред. Е.В. Устюжаниной. – М.: Издательство РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2015.

7. Реиндустриализация экономики России или продолжение либерального курса? / С. Д. Валентей [и др.] // Федерализм. – 2015. – №1. – С. 7–56.

8. Смородинская Н. Территориальные инновационные кластеры: мировые ориентиры и российские реалии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2013/04/11/1297354387/Smorodinskaya.pdf>

9. Стратегические приоритеты социально-экономического развития России: Монография / Под ред. В.И. Гришина, Л.Г. Чередниченко, А.З. Селезнева. – М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2011.

10. Тутаева Д.Р. Выявление проблем в области конкурентоспособности продукции промышленных предприятий на российском рынке и пути их возможного решения / Д.Р. Тутаева // Плехановский научный бюллетень. – 2014. – №1 (5). – С. 112–129.

11. Устюжанина Е.В. Организационное строение крупных корпораций как фактор стимулирования (сдерживания) их инновационного развития /

Е.В. Устюжанина, С.Г. Евсюков, А.Г. Петров // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – №32. – С. 10–32.

12. Устюжанина Е.В. Научная школа как структурная единица научной деятельности / Е.В. Устюжанина. – М.: ЦЭМИ РАН, 2011. – 73 с.

13. Устюжанина Е.В. Формы интеграции бизнеса: взгляд с позиций институциональной теории Е.В. Устюжанина // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2015. – №2 (80). – С. 34–45.

14. Экономическая история: взгляд из XXI века. Институциональные аспекты теории и практики хозяйственной жизни: Монография / Под ред. проф. И.Н. Шапкина, Н.О. Воскресенской. – М.: Вузовский учебник: Инфра-М, 2015. – 288 с.

15. Etzkowitz H. The Dynamics of Innovation: from National Systems and «Mode 2» to a Triple Helix of University-Industry-Government Relations / H. Etzkowitz, L. Leydesdorff // Research Policy. – 2000. – Vol. 29. – №2–3.

Бондаренко Наталия Евгеньевна – канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», Россия, Москва.

Bondarenko Natalia Evgenievna – candidate of economic sciences, associate professor of Department of Economic Theory REU name G.V. Plehanova, Russia, Moscow.
